

ВОСКРЕСНЫЙ ГОСТЬ «СМЕНЫ»

КОГДА меня спрашивают, кто является прообразом моих персонажей, я не могу назвать имя, отчество и фамилию. Мои персонажи — образы собирательные. Они отражают явление, а не черты характера и внешность одного человека. Многие и разные люди, ежедневно наполняющие зал театра, должны узнать в изображаемом мною бюрократе, грубияне, приспособленце того, с кем ему пришлось столкнуться в жизни. Я стремлюсь к тому, чтобы образ был узнаваем, — это необходимое условие сатирического жанра, без которого нет взаимопонимания, контакта между зрителем и актером.

Легкомысленный, прыгающий по жизни эгоист, меняющий женщин и, наконец, сам схваченный одной из них за горло, — это, к сожалению, знакомый всем тип мужчины, еще бытующий в нашем обществе. Достойн ли он осмеяния? Смех в зале отвечает на этот вопрос. Завистливый лентяй и выпивоха, мечтающий о высоком положении, обиженный несправедливостью судьбы, — разве он не встречался вам — расхлябанный, ожесточенный, ненавидящий всех, кто чего-то достиг в жизни?

Сидящие в зале не всегда могут вспомнить конкретного человека, но они уверены — такие бывают: это людишки, смешные только на сцене, а в жизни — страшные, вредные, опасные, их надо высмеивать и искоренять из нашего общества. Зритель, встретившись с таким человеком в жизни, может сказать ему: пойдите посмотрите на себя — вас показывают в театре.

За такими образами — кусок жизни, выраженный только в смешных его чертах. Если подумать — сколько слез, сколько горьких лет принес многим женщинам старый козел, рассматривающий фотографии своих детей в поисках того, старшего, который обязан кормить его на старости лет! Очень смешон этот старик, путающий имена женщин и

имена своих детей. «Не знаю — кто они и от кого они...» А если представить себе этих детей, выросших без отца, иногда в трудностях и лишениях, с прочерками в анкетах, детей, не знающих отцовской ласки и заботы, воспитанных отчимами, не во всех случаях любящими, если представить себе все это сразу, — смешной пожилой эгоист превращается в опасную фигуру, в человека, которого надо не только презирать, но и наказывать. За персонажем стоит явление, и с этим явлением мы боремся средствами нашего жанра.

Бывает и так — миниатюра стареет.

Иногда жизнь. Например, несколько лет назад у нас была сценка, сочиненная Гинрярами, о том, как целый коллектив не может справиться с одним хулиганом — возится с ним, «вовлекает», «развлекает», все обвиняют друг друга в недостаточном внимании к перевоспитанию буяна и пьяницы Ошлепкина. Он, сначала перепуганный и робкий, постепенно наглеет, а в конце замахивается кулаками и орет на оторопевших месткомовцев. Сейчас, после Указа о борьбе с хулиганством, эта сценка, видимо по законам контраста, приобрела новое комедийное звучание и с успехом идет в программе «Из-

рева, который согласился с тем, что условия, порождающие нелепую «покупательную» лихорадку, должны быть изменены. Но до сих пор все осталось как было. Пока такое положение продолжается, мы с успехом будем играть миниатюру, в которой завохоз овощного склада купил рояль, а потом побежал в очередь за флексометрами, и мы с удовольствием снимем ее, как только она устареет.

Я получаю много писем. В большинстве из них подсказываются темы для новых программ. Вот письмо рыбака с Волги. Он с болью в сердце пишет о том, что сделали нерадивые хозяйственники с его родной рекой, и просит что-нибудь показать в театре на эту тему. Пожалуй, есть смысл вспомнить старый монолог, который так и назывался: «Главное в жизни — личный покой и полный порядок». Герой этого монолога говорит: «Вот водоем, гибнет рыба в нем, а мы сидим, в ус не дуем». Оказывается, несмотря на многие статьи, решения и постановления, нелегко исправить вред, нанесенный природе равнодушными, невежественными «узкоглядами».

По-видимому, этот монолог еще долго будет актуальным.

Летом 1966 года я был председателем жюри Всесоюзного фестиваля студенческих театров миниатюр. Их оказалось больше восьмидесяти. Они отличались друг от друга по художественному уровню, по одаренности участников, но меня обрадовало то, что было общим для них, — высокая гражданственность, стремление к совершенствованию нашего общества, очищению его от всевозможных недостатков.

Эти черты характерны для нашей молодежи и вообще для нашего времени. И очень радостно, что у тебя так много единомышленников, ибо сатира, как ни один другой жанр, нуждается в поддержке и понимании. А если поддерживает и понимает молодежь, то можно надеяться, что завтра исчезнут те явления, которые мы обличаем сегодня.

Говорит Аркадий РАЙКИН

ПОДЛЕЖИТ ОСМЕЯНИЮ

С одной стороны, жалко прощаться с интересной ролью, талантливо написанной автором вещь, но исчезло явление, которое она высмеивала, и нет смысла ее играть. Мы такую пьесу с репертуара снимаем.

Например, в очень интересной пьесе Александра Хазина «Волшебники живут рядом», которую мы играли более двух лет, была миниатюра о неблагополучии в колхозах — о голодной корове, убивающей пьяницу-председателя. Сейчас, когда колхозы стали богаче и люди в деревне живут лучше, эта сцена сама собой отпала — мы перестали ее играть.

А бывает наоборот: какой-то вопрос возникает снова, в другом аспекте, и миниатюра получает вто-

бранное». Программа как раз и состоит из нестареющих миниатюр, взятых из разных спектаклей нашего театра. Мы меняем входящие в нее миниатюры — за 27 лет существования театра накопилось их гораздо больше, чем на один спектакль. Например, к нашему огорчению, хотя это и звучит парадоксально, в течение многих лет у нас идет миниатюра «Нужные вещи» о том, как перед Новым годом учреждения и предприятия быстро и нелепо расстраивают отпущенные государством деньги, чтобы в следующем году их не «срезали» финансовые органы, предусматривая новые ассигнования.

В свое время я был у министра финансов, ныне покойного тов. Зе-